

М.В. Ильчук

НЕВЫДУМАННАЯ САГА О РЕКАХ ЖИЗНИ

**Часть первая
Земные истоки**

М.В. Ильчук

Невыдуманная сага о реках жизни

Часть первая Земные истоки

Прожитые три четверти века склоняют к обобщению личного опыта. Эта небольшая сага посвящена семейной истории, отражённой в фотографиях, сделанных в разное время. Далёкие и хорошо знакомые лица людей, вплетённых в общую историю благодаря кровному родству, приоткрывают закрома памяти и воссоздают фрагменты прошлого, сплетающиеся в прочные смысловые нити. Здесь видится определённая целесообразность и логика соотношения причин и следствий.

Родственные связи, хранимые в глубинах памяти и оживающие в воспоминаниях — это трепетно и не всегда объективно. Тем не менее, история рода — это тот родник, к которому можно припасть, чтобы восстановить смыслы истории личной и понять объективные причины многих собственных проблем.

Ильчук М.В. Невыдуманная сага о реках жизни

Москва-Чехов-Крюково

Лето 2026.

«Люди, как реки...»
Л.Н. Толстой

Предисловие

Неожиданно (или своевременно — как знать?) возникшая потребность навести порядок в старых семейных фотографиях погрузила меня не столько в воспоминания, сколько в размышления о родовых корнях моего существования в этом бренном мире. Сколько себя помню, ни один из моих близких родственников не озадачивался подобными вопросами, жизнь была посвящена исключительно решению бытовых, материальных проблем и исключительно в традициях социальной среды.

Да и я сама не склонна была об этом думать.

Однако общие мировоззренческие вопросы, которые до этого поглощали всю мою мыслительную энергию, как-то вдруг сфокусировались на родовой теме, и род представился мне некой веткой на Древе Жизни, где я должна стать какой-то его частью. И очень захотелось, чтобы, прожив жизнь, я упала на землю не листиком, а неким плодом со здоровым и сильным семенем внутри, которое бы когда-нибудь дало жизнь новому молодому дереву.

Хотя всё это мечты...

«Нет пророка в своём отечестве»...

Между тем, размышляя над темой и подбираясь к ней с разных сторон, я натолкнулась на интересную концепцию этической антропологии или так называемого, видизма (не от слова *веды*, а от слова *вид*), авторами которой были отечественные учёные Борис Фёдорович Поршнев (1905-1972) —

историк и социолог, доктор исторических и философских наук, и его последователь Борис Андреевич Диденко (1943-2014) — писатель эссеист.

Задаваясь вопросом, почему люди на земле не могут жить без войн и почему им так трудно понять друг друга, Б.Ф. Поршнев на основании многолетних исследований древних артефактов, пришёл к выводу, что на заре человеческой истории существовала цивилизация хищных людей (адельфофагов), поедающих своих сородичей. Исходя из этого заключения, он разделил человечество на два основных вида: хищников и жертв. Господство одних людей над другими, по утверждению этого учёного, осуществлялось посредством речи, внушением.

Б, А. Диденко, предложил дополнить видовое деление Поршнева двумя промежуточными видами, обозначив все четыре следующими терминами:

- 1) *Суперанималы* — наследники хищных гоменид, биологический вид абсолютного доминирования, воспринимающих других людей не иначе как ресурс, материал. Для них характерно полное отсутствие эмпатии при развитом интеллекте, и то, что мы называем совестью. Этот вид составляет не более 1% человечества, но в силу своей «хитроумности», во все времена находился на вершинах власти. Эти люди харизматичны, обладают особым магнетизмом, абсолютно уверены в себе. В них нет морального конфликта, нет вопроса: а вдруг я не прав. История человечества, по Диденко, есть история использования ими легко внушаемого большинства для своих целей.
- 2) *Суггесторы* — верные подражатели первым, их оруженосцы, копирующие поведение хищников, однако в отличие от них, они имеют зачатки совести, голос которой всячески подавляют. Именно суггесторы хитро и расчётливо создают различные системы подавления.
- 3) *Диффузные* — большинство живущих на земле людей. В.И. Ленин называл их «болотом». Абсолютно внушаемые, подчиняемые авторитету, живущие по общественным моральным принципам, по «совести стада».
- 4) *Неоантропы* — новые люди, люди совести, творческие, рождённые «с

крыльями». Их несколько процентов. Этот тип готов жертвовать собой ради идеи. Это учителя человечества, стремящиеся пробудить совесть в диффузном слое.

Позже уже наш современник, серьёзный специалист в области нейробиологии, доктор биологических наук, профессор Сергей Вячеславович Савельев (род.в 1959 г.), рассмотрел идеи Поршнева и Диденко в ракурсе нейроанатомии: много лет он занимался исследованием человеческого мозга и обнаружил сто пятьдесят зон в его коре с определённым количеством нейронов в каждой зоне. Врождённые индивидуальные различия (определяющие способности и таланты человека или их отсутствие) обусловлены степенью размера и выделенности той или иной зоны коры его мозга. Савельев утверждает, что нельзя вырастить новую область коры, у каждой зоны есть свои границы, поэтому образование, которое человек получает за жизнь, способно развить потенциал, наподобие тренировки, но не может дать больше того, что способен вместить его мозг.

Нейроанатом Сергей Вячеславович Савельев чётко дифференцирует два понятия: *кору мозга* и *лимбическую систему*. Лимбическая система окутывает мозг наподобие пояса. Эта система участвует в регуляции внутренних органов, обоняния, эмоций, памяти, сна. Она обеспечивает адекватное приспособление организма к внешней среде (участвует в формировании мотивации, эмоций, поведенческих реакций, играет важную роль в обучении, в организации памяти).

По Савельеву, люди делятся на *лимбиков* (внушаемый суггесто-диффузный вид) и *людей коры*.

Обычная среда обитания человечества создана для *лимбиков* — внушаемых, настроенных на подчинение, автоматически принимающих установки сильных мира сего: «начальству виднее»... Некий автопилот, конвейер бессознательного, который везёт людей от рождения к смерти, убаюкивая идеями, что главное это вкусно поесть и получить удовольствие, а

это редко удаётся без доминирования над другими людьми.

А кора (логика, осознание, контроль) при отсутствии мыслительной нагрузки, углублённого чтения, размышлений, анализа, творческого поиска смысла, то есть всего того, что и делает человека Человеком, у *лимбиков* спит и постепенно утончается. По поводу утончения коры проведено множество исследований, доказывающих, что именно эта беда происходит с людьми (и особенно с детьми), проводящими много времени за просмотром контента социальных сетей, типа тик-ток, или за компьютерными играми с прыгающими квадратиками. Люди становятся неспособными к длительной концентрации, чтению серьёзных книг («буковок слишком много»).

Это и именуется деградацией, ведёт к плоскому двухмерному мышлению (ведь жизнь таких людей сосредотачивается на экране, общение ограничивается смс, нет объёмности жизни).

Так постепенно происходит расчеловечивание...

Люди с развитой корой мозга предпочитают смерть слепому подчинению. Они идут на эшафот за идею. Эти люди, живущие осознанно, в своём особом творческом потоке — живут непонятной другим людям жизнью. Это, как правило, одиночки.

И пока такие крылатые люди есть на свете, жизнь будет продолжаться!

Безусловно, не существует чистых видов. Человек непостижим в своей беспредельности и возможностях. Но в предложенной классификации можно разглядеть структурный ландшафт общественной жизни и тенденции, точно схваченные в терминологии, которую можно будет использовать далее в описании людских судеб.

Вот такие нашла интересные идеи, вызывающие много споров в научной среде и заставившие меня задуматься, пофилософствовать в тишине, глядя на портреты предков...

И вдруг невольно возникли ассоциации с библейскими текстами!

Открываю самое начало Ветхого Завета «Бытие», и... читаю, как чёрным

по белому там описываются разные человеческие виды!

Вот точные цитаты:

1) В первой главе Бытия читаем: *«И сотворил **Бог** человека по образу Своему, по образу Божью сотворил его: мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...»*¹ Резюмируем: Бог создаёт человека (мужчину-женщину) для владения всей землёй и свободного развития. Не будем строить никаких догадок, что́ это был за человек, не будем погружаться в Тайную доктрину и другие противоречащие один другому источники, выясняя, подробности, но, по Библии, вся человеческая история начинается именно с этого вида.

2) А во второй главе вот что написано: *«И создал **Господь** Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал... И заповедовал Господь Бог человеку:... от древа познания добра и зла не ешь от него... И создал господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привёл её к человеку»*² Резюмируем: В первом случае творцом был Бог, во втором — Господь Бог, который создаёт земной тип человека (из земного праха!), помещает его в ограниченное и абсолютно комфортное пространство, ставя запрет развитию — запрещая познавать, что есть добро, и что есть зло. Живи, мол, наслаждайся, только без философий! Ведь знаем, что было дальше? Ни Ной, ни Моисей не в силах были остановить лавину страстей потомков Адама, сотворённого из праха земного...

3) А в шестой главе читаем следующее: *«Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда Сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал... с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им... это сильные издревле славные люди»*³. Получается, что

1 Быт, 1: 27-29

2 Быт, 2» 7, 22

3 Быт, 6:2

существовал и третий вид — некие таинственные люди с огненной крылатой душой, потомки сынов Божьих и дочерей человеческих!

Я предвижу, что эта заповедная тема вызовет много возражений и споров. Но если опустить все детали и мнения и рассмотреть самую суть вопроса, то как ни согласиться, что Библия инициирует идею о генетической (видической) неоднородности человечества!

Какие времена описываются в Библии? Невероятная, невысказанная древность, облаченная в сакральный символизм, который разгадывать и разгадывать, пробираясь через веками устоявшиеся традиции и штампы.

Вернёмся к исследованиям С.В. Савельева. Можно ли игнорировать ту многолетнюю работу по исследованию мозга, которую провел этот учёный?

У одних людей хорошо развита кора мозга, выделены определённые зоны; у других кора тоненькая, зато развита лимбическая система. И вес различается.

Но кому это известно? Разные люди, относящиеся к разным видам, живут себе вместе, влюбляются, женятся. Люди совершенно разной природы десятилетиями живут в одной семье, строят дома, сажают сады, рожают и растят детей.

Что может удерживать их рядом?

Какая сила?

И что является главным уроком, который они учат в совместном бытии?

Конечно же, этот главный урок земной жизни — УРОК ЛЮБВИ.

«Люди, как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою⁴».

4 Л.Н. Толстой «Воскресение»

Материнская ветвь

Прадед и прабабушка

Поскольку я никогда не интересовалась историей своего рода и почти не задавала вопросов родственникам, что и как у них было, данное исследование будет основано: 1) на услышанных от моих родственников и знакомых крохах знаний о предках; 2) на реальных фактах, свидетелем которых я была; 3) на фотографиях, которые при внимательном их рассмотрении о многом могут поведать восприимчивому уму.

Мои прадед Михаил Васильевич и прабабушка Марина Савельевна Грачёвы

Старая-старая фотография...

Кажется невероятным, что она могла сохраниться после множества семейных перемещений и перипетий. На фотографии мои прадедуска Михаил Васильевич Грачёв (1875-1959) и прабабушка Марина Савельевна (в девичестве Терехова).

Материнский корень моего рода.

Смотрим друг на друга напряжённо-внимательно...

О прабабушке ничего не знаю, кроме того, что прадед называл её нежно Морик.

Дедушку Мишу я застала в живых.

Помню его, лежащего в чистой постели (этой нереальной чистотой всегда очень гордилась его дочь, моя бабушка Маня).

Дедушка Миша, завидев меня, подзывал к себе:

«Мальчик, подойди». Он доставал из-под подушки круглую коробочку с

ландрином, долго её открывал и наконец протягивал мне несколько прозрачных конфеток.

– Дедушка, я не мальчик! Я девочка, — пыталась возражать я, но круглые леденцы уже всецело завладевали детской душой...

– Ты маленькая, значит мальчик...

В глазах прадедушки прыгали весёлые игривые искорки...

Прадедушка Миша (конец 50-х)

Вскоре дедушки не стало. Я увидела его лежащим в гробу. Вокруг топились незнакомые люди.

– Это наша родня, — сказала бабушка.

Я разглядывала «родню» с внутренним содроганием. Эти люди, одетые в какие-то некрасивые, мятые, резко пахнувшие чем-то (нафталином, как я поняла позже) одежды, напоминали мне сказочных существ, вылезших из какого-то затхлого мира...

С тех пор и на протяжении всей жизни слово «родня» возвращало меня к этим неприятным детским ассоциациям.

Мои корни по матери южнорусские: орловщина, курщина.

Михаил Васильевич Грачёв был известным в тех краях мастером краснодеревщиком.

Сделанная им мебель, украшавшая наш скромный послевоенный быт, была уникальной: шкаф с инкрустацией, стеклянными окошками и ящичками; диван с красивой полочкой, обрамлённой резными башенками; кресло, обитое тёмно-зеленой кожей с окантовкой из резных шляпок гвоздиков, с гладкими

подлокотниками и красиво изогнутыми ножками.

В то время (да и в любое!) это было поистине царскими дарами нам.

Помню рассказы бабушки об удивительном яблочном саде Михаила Васильевича, в котором стоял огромный стол с ведёрным кипящим самоваром. Калитка всегда была открыта: «заходите, мол, все — всех потчует!» Ни у кого не было такого вкусного штрифеля, как у Грачёвых!

И ещё помню, как он, уже старенький, приезжал на электричке из Москвы к нам в подмосковную Тарасовку, беспрепятственно минуя проходную воинской части, где мы жили, и тихонько ложился на травку под нашими окнами.

И мы вдруг узнавали от соседей, что дедушка приехал!

Мой прадедушка Миша, безусловно, был «человеком коры» — абсолютно самодостаточным, свободным мудрым Мастером.

О прабабушке Марине ничего не знаю. Почему-то о своей матери бабушка Маня не упоминала никогда...

Кем и какой она была?

С фотографии она смотрит на меня умными широко поставленными глазами, черты лица правильные, в ушах серьги-кольца, одета в длинное строгое платье, на плечах белый платок. Всё добротное, дорогое...

Есть что-то от донских казачек.

Я тоже люблю воротники, закрывающие шею, платки и серьги. Люблю такой строгий женственный стиль.

Мой прадед, рожденный в семидесятых годах девятнадцатого века — участник Первой мировой войны. На фотографии он в военной форме, погоны с нашивками и какими-то выпуклостями, похожими на звёзды.

Длинные тонкие пальцы.

К какому сословию принадлежали мои предки?

Крестьяне, мещане?

Бабушка Маня

Мария Михайловна, моя бабушка Маня, в замужестве Митрофанова, родила от мужа Егора («неизвестно куда исчезнувшего») двоих детей: мою мать Валентину и дядю Юру. В конце двадцатых она, оставив маленьких детей на чьё-то попечение, подалась в Москву. Очевидно, голодное было время, и бабушка последовала совету односельчанки, обосновавшейся в Москве на Люсиновской улице, 28.

В Москве Мария Михайловна устроилась на противопожный завод, но проработала там недолго: получила увечье - потеряла глаз.

*Мои бабушка Мария Михайловна
и мать Валентина (середина 30-х)*

Вероятно, это послужило основанием для предоставления ей семиметровой комнатки в том же доме 28. Бабушке назначили крохотную пенсию.

Так, получив инвалидность в 28 лет, она уже никогда впоследствии не работала.

Более-менее оправившись и обзаведясь нехитрым хозяйством, бабушка Маня привезла из

деревни детей: Валю и Юру.

*Сергей Дмитриевич
Трофимов*

Бабушка была цельной натурой: волевая, очень честная, общительная, она всегда прямо говорила, что думала.

Вскоре она сошлась с Сергеем Дмитриевичем Трофимовым, который был моложе её на восемь лет и с которым она прожила до его смерти в семидесятом году, пережив его на тринадцать лет.

Я очень любила дедушку Серёжу. Он был мне родным, пусть не по крови, но по духу. Не знала о нём ничего, но чувствовала, что была в нём какая-то тайная внутренняя сила. Он мало говорил и много курил, сидя на низком табурете в длинном коридоре возле их с

бабушкой комнаты. А я болтала с ним, не умолкая, рассказывая в ярких красках о своём бытии.

Помню, усаживала бабу Маню и деда Сергея на доставленный с орловской родины парадный диван (творение прадедушки Миши), и начиналось театральное действо: я на ходу придумывала невероятные истории, разыгрывала сценки в лицах, смешила...

Я подолгу жила у них, учась в Гнесинке — удобно было добираться на восьмом троллейбусе.

Бабушка Маня была относительно самодостаточной. Жила себе обычной жизнью: стирала, убирала, готовила, ходила «в церкву», молилась у старинной иконы Николы, прося защиты и милости.

Вообще воспоминание об этом доме, о полутёмном коридоре с множеством комнат, населённых простыми людьми, с двумя кухнями, подвалом и уборными, где нужду справляли стоя, я пронесла через всю жизнь. Часто видела этот дом во сне, бабушкины всегда до блеска начищенные кастрюли на кухне, огромный латунный чайник, окна из составленных кусков стекла — ещё с войны, огромный чёрный телефон, висящий на стене в коридоре.

Всё было родным — пусть бедно, убого, как-то обречённо, но люди в этом коридоре с огромным подвалом, где прятались от бомбежек в годы войны, жили себе спокойно, не мешая друг другу.

Исключение составляла моя бабушка, постоянно конфликтующая с соседкой Шурочкой Клоповой, которая по примеру гоголевского Плюшкина, тащила в свою комнату (соседнюю с бабушкиной) всякую дрянь с помоек, а когда комната заполнялась, начинала потихоньку выставлять грязные коробки в коридор, к двери моей бабушки. Вот тут-то и начиналось самое интересное: бабушка всегда и везде устанавливала справедливость, как она это понимала, и радела за общественный порядок, а

поэтому, увидев очередную гору мусора, вставала в сторожевую стойку и поджидала, когда Шурочка выйдет из комнаты, чтобы с воплем наброситься на неё и... начиналась потасовка... но до тех пор, пока дед Сергей не поднимался со своего табурета. Он молча хватал в охапку бабушку, бьющуюся в воинственном запале, орущую и дубасящую его как ни попадая, вталкивал её в комнату и держал своим могучим телом дверь снаружи до тех пор, пока вопли не прекращались. Затем опять устраивался на табурете, и как ни в чём не бывало закуривал свой «Беломорканал».

Бабушка была миниатюрная, 33-й размер ноги, а он, рослый и жилистый, в эти минуты напоминал мне своей невозмутимостью, да и немного внешностью французского актёра Жана Габена.

Подобные сцены развлекали соседей своей эмоциональной яркостью. Но я замечала, что в этих стычках не было ни капли злобы! Выпустили пар, отдышались и пошли в жизнь дальше...

Вот только куда «пошли»?

Оценивая сейчас, с позиции своего о-о-чень зрелого возраста, бытие этих людей, я с трудом понимаю, чем они жили. Ели-пили, куда-то ходили на заработки: мужчины — чтобы было на что «выпить и покурить», женщины — заработать на хлеб насущный... Конечно, быт отнимал много времени и сил: не было горячей воды, а значит душа (раз в неделю ходили в баню), никаких стиральных машин тебе. Стирали вручную в корытах, простым хозяйственным мылом с содой, умело орудуя рифлёными стиральными досками... Бельё кипятили в вёдрах и баках и развешивали во дворе или на кухне в плохую погоду. Гладили тяжёлыми чугунными утюгами, которые подолгу грелись на плите...

Но какое кипельно-белое и хрустяще-крахмальное было бельё! У бабушки на кровати подушки были накрыты кружевными белоснежными накидками, повсюду лежали вязанные крючком салфеточки, на столе — всегда чистая скатерть. И конечно же, кружевная накидка с бумажными цветами на иконе Николы Угодника, привезённой из родной деревни...

Думаю, так воспитала бабушку её мать, Морик.

Вечерами соседи отдыхали, сидя на лавочке возле дома. Обсуждали-осуждали, но злобы не было. Весёлые были люди!

Люди в послевоенные годы довольствовались самым простым. Сейчас трудно себе представить, как в малюсенькой комнате помещался весь семейный скраб: и одежда, и постель, и посуда. Ничего лишнего. И еда была самая простая, но вкусная. У бабушки были свои рецепты приготовления гречневой каши и свеклы. А дух бабушкиных щей и тушёной картошки с минимумом мяса чувствовался уже на подходе к дому...

Простейшее БЫТИЕ ради некой не осознаваемой цели...

Наверное, людям, уставшим от бед, принесённых войной в каждую семью, хотелось просто наслаждаться тишиной мирной жизни... Просто жить, залечивая раны.

И никаких мыслей о том, что можно жить как-то иначе!

Хотелось просто ЖИТЬ-БЫТЬ...

Баба Маня, например, так и не удосужилась за жизнь научиться читать...

Пропасть разделяла творческую жизнь прадедушки Миши и прозябание «Люсиновки», где сломался даже мой дядя Юра, внук прадедушки, талантливый сапожник-самоучка, создававший вручную невероятно красивую модельную обувь.

Два мастера — дед и внук...

Помню, как он неспешно устраивался посреди кухни, привинчивал к подставке железную опору, напоминающую ногу, потом доставал из замусоленной сумки инструменты, кусочки кожи, маленькие гвоздики и начинал священнодействовать. Я поражалась, как можно было вручную сделать такие шедевральные туфли на шпильке!

Война давно закончилась, но невидимое сумеречное чудовище обречённости, бесцельности, бессмысленности и скуки незаметно

завладевало душами людей, ломая их крылья и гася любые искры творчества, кроме: где взять денег на очередную порцию зелья...

Так, погубила «Люсиновка» и дядю Юру, закончившего свою жизнь в 40 лет; и обожествляемого мной, любимого, талантливого брата Валеру..

А я, видя всё это, снова и снова задавалась вопросом: «зачем так жить?»

Но во всём есть божественная целесообразность.

Ведь именно здесь, в доме 28, отец встретил мою мать. Ей было семнадцать, ему двадцать семь по паспорту...

Шла война. Отец служил в Генштабе на Арбате связистом. В доме 28 жила знакомая его сослуживца, за компанию с которым он навещался сюда иногда.

Увидел юную Валю, влюбился мгновенно и ждал, когда его ненаглядной исполнится восемнадцать, чтобы зарегистрировать брак.

Голодная «Люсиновка» боготворила отца, регулярно носившего своей обожаемой Валечке военный паёк, которым та втихаря понемножку делилась с соседями. ореол благотельницы закрепился за ней с тех пор надолго.

В 1944 году родился мой брат Валера.

Что за драматические события произошли вскоре после этого, неизвестно, но однажды отец решительно заявил о разводе.

Однако он не знал мою бабушку! Та быстренько собралась и отправилась в Генштаб к Сталину жаловаться на зятя. К генералиссимусу её, конечно, не допустили, но с неким высоким начальством она переговорила.

«Я — Мать Советская!!!» — это были её ключевые слова, после которых отец раз и навсегда прекратил все попытки бежать и любые возражения своей Валечке...

И ведь, если бы ни бабушка Маня, «мать советская»,
я бы не родилась в 52-м и не проводила бы её в мир иной,
держа за руку, в 1983-м.

*Три поколения...
Указательный пальчик вверх, как завещал великий Платон!
(лето 1952г. Тарасовка)*

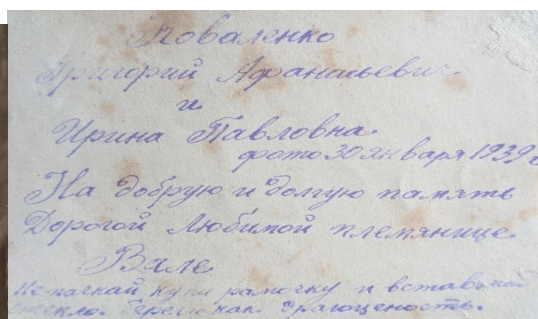
Мама Валя

Моей матери, Валентине Егоровне, было шестнадцать, когда началась война. Очень миловидная внешне, она обладала железной волей и уникальным внутренним знанием, как ей надобно жить.

Возможно, некие наставления она получила от своих дяди и тёти: Коваленко Григория Афанасьевича и Ирины Павловны, у которых гостила летом до войны.

Супруги Г.А. и И.П. Коваленко

Ирина Павловна с любимой племянницей Валей (конец 30-х)

Сохранилась их фотография с надписью в императивном тоне, заканчивающейся словами: «Храни как драгоценность». Краем уха слышала,

что они были не то евангелистами, не то баптистами. Мать, в отличие от бабушки, в церковь не ходила и избегала каких-либо суждений насчёт веры и религии.

До войны

Мама Валя была одарена уникальной памятью и отменными математическими способностями, но ограничилась школьным семилетним образованием, полученным до войны. Когда речь заходила о продолжении учёбы, своей ли или позже — отца, она

повторяла, как заклинание: «Зачем мозги сушить?»

Похоже было, что она однажды дала себе обет благопристойной высокоморальной жизни, старательно создавая и оберегая имидж идеальной жены, хозяйки, матери. Почти святости. Тихо, скромно работала с цифрами: сразу после семилетней школы немного в Гознаке, потом уже в конце 50-х в бухгалтериях.

После войны

Работая в институтской бухгалтерии в подмосковной Лозе в зрелые годы, мать всегда возмущалась тупостью инженеров и кандидатов наук, с которыми ей доводилось разбирать какие-то математические вопросы.

Мне казалось, что мать помнила всё: не только имена всех

В.Е. Ильчук В 70-е годы

жителей посёлка и их истории, она помнила имена и фамилии киноактёров, оперных певцов и других известных личностей, увиденных в телевизоре; хорошо помнила в деталях события своей жизни.

Но на абстрактные темы, касающиеся искусства, поэзии и тем более философии — никогда не говорила и такого рода бесед не поддерживала. А когда я начинала рассказывать что-то из этой серии, смотрела на меня с опаской и даже, как мне казалось, с раздражением, резюмируя: «И в кого ты такая уродилась?»

Её память не ослабевала с годами, и уже перед самой смертью, в свои девяносто лет, она помнила последние показания электросчетчика за прошлый месяц...

Главным семейным праздником был день рождения моей матери, Валентины Егоровны — 1 мая. Гости были одни и те же годами: Манюня Зимина, Валентина Михайловна Косачёва (бывшие соседи по Тарасовке), «химки» — голосистые племянницы отца, а иногда Конаковы и Козловы — бывшие сослуживцы отца по Генштабу.

Стол ломился от обилия еды: салаты, домашние соленья всех видов, рыбное заливное, студень с хреном собственного приготовления, мясное горячее с дымящейся картошкой. И главное — пироги в широком ассортименте: с капустой, мясом и сладкие, большие и маленькие. И всегда удивительно вкусные! Всё было вкусное. Кормить мать любила. Это было главной её заботой и гордостью на протяжении всей жизни.

Огород, сарай с погребом — неотъемлемые атрибуты и ценности бытия.

Валентина Егоровна любила отдыхать на курортах. Отцу как офицеру запаса, путёвки предоставляли регулярно. Для матери поездка в пансионат или санаторий была событием, к которому она готовилась весь год, что-то шила, подкупала потихоньку обновки.

Она была вполне довольна своей жизнью. Так и говорила: «Хорошо прожила за отцом, поездила»...

Мать неплохо шила. Правда, без единого компонента творчества. Шила то, чему научилась в молодости на курсах. Помню аккуратно сделанные ей миниатюрные образцы одежды, с которыми я играла в детстве. Они были разукрашены кружевами, пуговками, замысловатыми петельками, аппликацией и ещё чем-то, теперь и не вспомню... Отделка была выполнена филигранно!

Себе мать шила платья по одной и той же выкройке на протяжении всей жизни: цельнокроеное с вытачками. Менялись только длина рукава и

воротники.

Ближе к пенсии увлеклась вязанием. Но тоже без претензии на художественность: обычные береты, носки, иногда жилеты.

Ко мне мать относилась с прохладцей. Очень раздражалась, когда я заболела в детстве. А болела я часто из-за воспаляющихся гланд. Главной её заботой было — накормить, за что ей человеческое спасибо. Моей учёбой никогда не интересовалась. В школе меня, отличницу, хвалили, ну и ладно.

Я же любила мать и побаивалась её. Очень боялась, что она умрёт, поскольку она всегда жаловалась на плохое здоровье.

Когда я была маленькой, то представляла, что если мама умрет, мы положим её в светящийся хрустальный гроб (в углу комнаты в Тарасовке), как в сказке о спящей царевне, и однажды она обязательно проснётся... И ещё тогда мне часто снился один и тот же сон: в погребе, который находился в нашей комнате в Тарасовке, сидит на кирпичах страшная Баба Яга и держит верёвку...

Меня всегда поражала уверенность матери в собственной правоте. Никогда не сомневаясь, не задаваясь вопросами, она, казалось, шла по жизни по кем-то начертанной прямой... С добром и злом ей всё было ясно, наверное...

Немного подумает и вынесет вердикт.

Её «а я так считаю!...» — всегда звучало о-о-очень убедительно.

Последними словами, сказанными мне матерью перед её смертью в 2015 году было: «На, заberi свою писанину!»

А «писаниной» был конспект лекции «Звёздный миф человека», с которой мы с мужем Николаем Сурковым выступали в ЦДСА в 1997 г. Каким-то образом эти листки, уже порядком потрёпанные, оказались у неё в руках и... стали завершающей точкой вынесенного мне вердикта.

Вот такая семейно-идейная оппозиция...

Отцовская ветвь

Бабушка Агриппина (Гарпина)

О предках с отцовской стороны не знаю почти ничего.

Отец, Василий Антонович Ильчук, с нежностью вспоминал только свою мать, Агриппину, и часто говорил о её главной жизненной установке: «В тебя камнем, а ты — хлебом».

Хата, где, вероятно, родился отец

Украинское село Строки в Хмельницкой области, где накануне революции родился отец (он потом прибавил себе два года, чтобы пораньше уйти в армию). Это была глушь, судя по сохранившейся фотографии, на которой видим скудную растительность, хату, крытую соломой, мальчика с козой и сидящих на земле молодую женщину и старушку с ребенком на коленях. Когда сделано это фото, конечно, неизвестно...

В советское время в этом захолустье была открыта семилетняя школа. Отец рассказывал о своём учителе, интеллигентном и добром человеке, многому его научившем.

«Родители были колхозники», — читаю запись в Учетной карточке отца,

датированной октябрём 1936 г. Тогда он являлся «зав. клубом села Строки и зав. курсов садоводов». С 37 года — он красноармеец, затем курсант-телеграфист, а в годы войны — техник узла связи Генерального штаба, адъютант...

У отца было два брата: старший Иосиф и младший Пётр. Оба получили высшее образование. Иосиф окончил медицинский институт накануне войны, пошел на фронт, работал военным хирургом и погиб в 1943 году.

Братья Ильчуки: Василий, Пётр, Иосиф

Пётр стал учителем, затем директором сельской школы.

Вот такая сильная родовая ветвь! Кто дал этим людям, взрожденным в украинской глубинке, такой мощный импульс к развитию? Учитель? Отец? Или собственный духовный императив?

А может быть, мать Агриппина одарила всех троих силой своей праведной любви?

Бабушка Гарпина однажды приезжала к нам в Тарасовку. Мне было тогда три года. Отец организовал тогда целую фотосессию, и благодаря этому я имею возможность что-то сказать о своей украинской бабушке.

Впрочем, главное говорили её глаза! Глубокие и чистые с длинными ресницами и кротким взглядом...

У отца были такие же глаза, только ярко синего цвета.

Московская бабушка Маня ревниво отнеслась к приезду Агриппины. Что-

*Бабушка Агриппина
с сыном Василем (1955 г)*

то произошло между ними, когда бабушка Гарпина, глядя, как Мария Михайловна затеяла стирку, решила постирать и свою одежду. Вероятно, баба Маня со своим культом чистоты, чем-то обидела и унизила гостью, и та вдруг резко засобиравлась домой и, ничего не говоря, не реагируя ни на какие уговоры остаться, поспешно уехала. А вернувшись на свою Украину, очень скоро умерла.

О той «стиральной стычке» между двумя бабушками позже рассказали соседи, и понятно, каково было в дальнейшем отношение отца к теще... Тем не менее, он в силу своей природной деликатности и доброты, никогда не высказывал упреков в её адрес, очевидно, загнав глубоко в сердце боль и скорбь по матери...

Отец, бабушка Гарпина, я, мать, Валера .1955 г

У меня есть двоюродные братья на Украине. Старший, Валерий Петрович Ильчук, стал профессором, заведующим кафедрой в Черниговском экономическом институте. С младшим, Володей, моим ровесником, мы много общались в юности, переписывались чуть ли не ежедневно, мечтали, философствовали. Позже даже написали в соавторстве научную статью. Володя позвонил мне в день моего пятидесятилетия и сказал: «Ты целая эпоха в моей жизни». Однако с обострением российско-украинских отношений, братья резко перестали со мной общаться. Так завершилась «эпоха» братской любви.

Папа Вася

Чем дольше живу на свете, тем больше открываю для себя отца в его сакральной духовной сути, чистой и романтической, спрятанной где-то глубоко в недрах его скромнейшей личности.

Я всегда задавалась вопросом, какими качествами должен был он обладать, чтобы быть принятым на службу в высший военный орган — Генштаб

СССР?

Он был невысокого роста (где-то 160 см), не отличался особой красотой телосложения. Но глаза! Синие, обрамлённые густыми черными ресницами, орлиный нос, белоснежная улыбка...

Хотя, конечно же, не это было главным.

А главным была его вера как в высшую святыню — в идею, за которую он готов был отдать жизнь. И ещё поражала его абсолютная честность. Без пафоса. Просто это читалось в его глазах. Именно это, я полагаю, и привело его в высший воинский эшелон власти, пусть в скромной должности.

Я с папой в 1958 г.

Когда отец окончил среднюю школу при ЦДСА (уже после моего рождения), все его соратники по Генштабу поступили в Академию и получили потом высшие военные звания.

Только не мой отец...

Похоже, ему было строго сказано: «Нечего мозги сушить...». И добавлен убедительнейший аргумент: двоих детей кормить-поить-одевать надо!

Так мой папа и остался капитаном.

После демобилизации отец получил квартиру в посёлке Лоза, недалеко от Загорска (ныне Сергиев-Посад). Этот новый посёлок располагался в лесу, он строился на базе лабораторно-опытного завода и института (отсюда аббревиатура ЛОЗа). Подобных посёлков было много в Подмосковье в 60-е годы. Дома-хрущевки, клуб, школа, библиотека (а позже филиалы московского института и даже аспирантуры, музыкальная школа, теннисный корт, сауна, пруд с лодочной станцией).

Отец работал в Лозе начальником административно-хозяйственного отдела, потом начальником караула, руководил строительством стадиона с футбольным полем.

Работал он до восьмидесяти с лишним лет. Утром всегда рано вставал, много ходил пешком: «как Лев Толстой».

Ещё по поводу человеческих качеств отца: деликатность и сердечное принятие людей такими, как они есть, создавало вокруг него обстановку спокойствия и особой доброты. Он не мог сидеть в транспорте, если рядом стояла женщина. Даже если ему было восемьдесят, а ей двадцать. Вставал и уступал место...

В семье отец был послушным и тихим. Мать руководила всем. Но когда дело касалось святых принципов, когда задевалось его идейное ядро, из его глаз сыпались искры, а голос громыхал так, что мать мгновенно куда-то исчезала...

Это было при мне всего несколько раз.

Жителям посёлка разрешалось брать наделы земли под огороды. Без ограничений, бесплатно — бери и работай. Летом отец с удовольствием трудился на земле, выращивал отменные помидоры, зимой ходил за картошкой

и соленьями в погреб, находившийся в сарае в полукилометре от дома. Одно время отец держал там кроликов.

Как офицер запаса, он регулярно получал путёвки в санатории, иногда ездили отдыхать вдвоём с матерью или она одна..

Отец неплохо пел и играл на мандолине: в его репертуаре (очевидно, ещё с тех довоенных времён, когда он заведовал клубом в своём родном селе) были «Девочка Надя», краковяк, «Выйду ли я на реченьку».

Помню, как он торжественно доставал из кладовки свою старенькую мандолину, долго её настраивал, потом брал медиатор и, кивнув мне, начинал. Я тихонько подыгрывала ему на стареньком пианино.

Он был левшой, и мандолина была перестроена под левую руку. Ещё одной отдушиной у этого великого труженика была игра в городки.

Отец очень любил меня. Всегда называл Мариночкой или доцуней, доцунечкой. И много страдал из-за моих жизненных метаний, поисков «того, не знаю, чего», моей сложной женской истории.

Он писал своему брату Петру восторженные письма обо мне. Я узнала об этом намного позже, уже после смерти отца, от двоюродного киевского брата Володи.

Когда после Гнесинки я поступила в МГУ на подготовительное отделение философского факультета, отец прислал мне восторженную поздравительную телеграмму из санатория. Гордился...

Хотя ещё особо нечем было гордиться.

А я как-то не очень замечала отца. Когда приезжала к родителям, всегда начиналась бытовая суeta, просто вихрь какой-то...

Но бывали и спокойные моменты, когда я рассказывала отцу о своих мечтах и открытиях, о звёздах, творческих идеях — самых разных. Читала стихи Пушкина и моего любимого раннего Маяковского.

Наверное, во всём этом была новизна для него, нечто, что потом давало

ему силу жить ...

Когда я приезжала в Лозу с детьми, он всегда проверял, хорошая ли у детей одежда и обувь («оде́жа-обува»), спрашивал, есть ли в Москве еда в холодильнике. Беспокоился очень.

Помню, я осталась в Лозе одна с отцом (мать уехала куда-то) и, будучи в тот период вегетарианкой, решила приобщить его к своей кухне. Благо, было лето, много зелени, овощей, фруктов. Отец ел и хвалил меня, но при этом становился всё более и более грустным. И когда я спросила, не заболел ли он, тихо попросил: «Доцуня, пожарь мне курочку...».

Боже! Сколько кротости и любви было в его глазах!

Перед уходом в мир иной (за год-полтора) отец, всю жизнь будучи непоколебимым материалистом по мировоззрению и коммунистом (партвзносы платил вплоть до августа 1991 г.), стал говорить странные вещи.

Говорил о каких-то конях времени, о тайне минут и секунд, которую нужно обязательно разгадать, говорил обо мне возвышенно.

Вспоминал о каком-то своём прошлом, когда он, дворянин, имел государственный чин советника и жил в окружении прислуги... Строго и торжественно спрашивал мать, когда будет подано кушать...

Рассказывал о четырех золотых статуях, освещённых ярким солнцем, которые он видел: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Перед уходом в мир иной отец в основном лежал на своём диване, а я часто сидела рядом за столом. В тот период, летом 2000-го, я работала над «Государством» Платона.

Однажды он поманил меня пальцем, усадил рядом и вдруг стал плакать навзрыд. А успокоившись немного, заговорил торжественно, несколько изменённым голосом.

«Последний разговор с папой» — это сокращённый текст сказанного им в тот день. Публикую сохранившуюся запись.

Последний разговор с папой.

29.07.2000

(Отец лежит на диване, смотрит на меня долго и необычно, затем говорит)

- Посиди со мной. *(Начинает плакать)* Вот оно, золото! У каждого человека есть святые места. Их не видно. Они глубоко. Мы их не замечаем, а они есть. Вот у мамы не замечала святые места. Надо учиться смотреть. В жизни много тайн. Тайны открывать нельзя. Иначе человек затоскует, переживая тайну своей души *(повторяет несколько раз, плачет)*. Она в сердце. Я тебе не открою, а то затоскуешь. Наде открою. Ей можно. Детям не буду открывать тайны. Подросток откроет тайну души человека. Пусть переживет своей душой, своим сердцем.

МИНУТЫ, СЕКУНДЫ – эта тайна откроется. Я тебе открыл суть природы, ее богатство. Ты их нигде не читала. Скоро откроются тайны. Ничего не сочинено, это создала природа. Можно открыть страницы, которые человечеству еще недоступны. Пойдешь на угол.

Сердце дает пульс. Сердце – это полюс. Я его не буду заставлять. Пусть оно маленькими дозами само вызовет. Точно так же и ты, как и я, сердцу будешь давать импульсы.

(Смотрит, как я делаю запись на последней странице книги «Чаши Востока» (Письма Махатм))

- Пусть будет запись. Такая запись пригодится. Эту книгу надо беречь, изучать маленькими дозами. Работать с ней, вникать.
- Папа, а у меня получится?
- Может получиться. Конечно, как будет мысль работать.
- Сама смогу, или кто-то поможет?
- ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ ОБЩИМИ СИЛАМИ ВОЗРАСТАТЬ. А кто-нибудь интересуется твоими занятиями?
- Коля интересуется.
- Хорошо. А где Валерик?
- Ушел.
- Хорошо. Надо интересоваться наукой.
- Папа, как Сережа?
- Сережа иногда срывается, но идет правильно.
- А Настя?
- Это все глубоко впереди.
- Как у Коли дела?
- Ничего не пропадало.
- Хорошо поговорили. Я доволен.

Вот такие, никак не объяснимые с материалистической точки зрения, факты... И можно было бы квалифицировать их как проявление старческого слабоумия, деменции или ещё чего-то в этом роде, если бы не их абсолютная включённость в смыслы моей деятельности и мудрые наказы, советы на будущее, которые очень помогли мне в дальнейшем.

Я ручаюсь, что отец никогда не был знаком с терминологией, которую он использовал в том неожиданном откровении.

Родители

Родители прожили вместе без малого шестьдесят лет.

Когда я была маленькой и просила отца рассказать мне сказку, он всегда рассказывал одну и ту же: как Баба Яга хитростью заманила некоего Ивасика, плывшего в лодочке по реке, и съела. *«Ивасико-Телесико, приплынь-приплынь до бережка, дам тебе исты да питы, да хороше походыты»*, — как-то так примерно это звучало. Я его просила рассказать другую сказку, но он отвечал, что другой не знает...

Прошло много лет с целой вереницей жизненных событий и перипетий, но только теперь я поняла, о чём была эта сказка, поняла её трагический символизм...

Влюблённость отца в юную, нежную и такую не по годам рассудительную Валю, привела к романтической идеализации её образа.

Свадьбу сыграли на Люсиновке в 1942 году, но потом год, до достижения совершеннолетия его Валечки отцу не позволялась близость с женой. Так она решила. Мать с гордостью рассказывала мне об этом воздержании впоследствии, расценивая его как высший образец моральной чистоты.

Мать говорила примерно так о моём отце: «Он недалёкий, конечно, но всё нужное у меня с ним есть»... И действительно, была еда (*«исты да питы»*), была простая, но всегда чистая одежда (*«да хороше походыты»*).

О внуках заботились душевно.

Казалось бы, чего ещё желать?

Внешне это была идеальная пара. Хлебосольные и добрые, как гоголевские Старосветские помещики: всех накормят, приголубят.

Пришли с работы, поели, отец лёг на диван, мать, включил телевизор, села в кресло вязать.

Всё благопристойно...

Только почему В. Маяковский с такой горечью писал: *«Страшнее Врангеля обывательский быт»*?

Так и жили они десятилетиями: «работа-сарай-огород-санаторий-Первомай», а я спрашивала себя: Разве так можно жить?

И главное ЗАЧЕМ?

Был продолжительный период (отцу было где-то около семидесяти), когда он подолгу безучастно лежал на диване, а когда я приезжала в Лозу, мать шёпотом жаловалась: «Прям не знаю, что с ним делать»...

В 2000 г. в нашей семье было две смерти: в возрасте 56 лет от онкологии умер мой брат Валера, а меньше чем через полгода — отец.

В день похорон отца, когда его гроб поставили для прощания у подъезда, из носа покойного вдруг буквально выстрелила струя крови точно в направлении моей матери, стоявшей подле гроба. Это вызвало шок у всех присутствующих. Я быстро закрыла лицо отца уголком белой накидки.

Такая мистическая, прямо-таки гоголевская картина...

И ещё один мистический случай.

Мать после похорон отца встретила в Лозе незнакомую женщину (в небольшом посёлке все знали друг друга!), которая, близко подойдя к ней и глядя ей в глаза, прошептала: «Что, похоронила, наконец, мужа и даже похорошела?» Придя домой, мать буквально рухнула на кровать и долго-долго рыдала, а когда немного пришла в себя, рассказала об этой таинственной встрече мне и детям...

Перед смертью мать наказала похоронить её подальше от мужа и сына — на другом кладбище...

Я описываю эти грустные эпизоды, коим была свидетелем, вовсе не для того, чтобы судить или возносить кого-то. У меня нет на это никаких прав.

Но у моей родовой ветви, как и у многих других ветвей, есть побег, и мой долг хоть что-то сделать, чтобы они были здоровыми не только в физическом плане (*«исты да питы, да хороше походыты»*), но в высшем, ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ. Это главное.

Мой брат Валерий

Валера был старше меня на восемь лет, и я буквально боготворила его.

Он унаследовал отцовские глаза и орлиный нос, но в отличие от папы, был блондином. Брат казался мне каким-то сказочным существом - красивым, весёлым, всезнающим. Валера обладал редким голосом и музыкальным слухом, и в детстве его приглашали в известный тогда хор Соколова, но мать отказалась возить его в Москву.

Позже брат поступил в музыкальную школу в г. Пушкино, недалеко от Тарасовки, по классу аккордеона, где учился у Альфреда Мартиновича Мирека, активно популяризирующего этот инструмент в 50-е годы. Мирек, польский еврей по происхождению, много сделал для этого. В Википедии о нём сообщается: основатель музея гармоник⁵, советский и российский учёный, инструментовед, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ.

А.М. Мирек организовал в Пушкинской музыкальной школе ансамбль аккордеонистов, первый в СССР. Он успешно выступал на разных площадках

5 Музей сгорел в годы Перестройки

Москвы и Подмосковья.

Участником ансамбля были дочь Альфреда Мартиновича и мой брат, между которыми вспыхнула романтическая любовь, закончившаяся ссылкой Ирины в другой город и сильнейшими страданиями Валерия, свидетелем которых я была.

*Выступление ансамбля в телепрограмме «Музыкальный киоск».
Валерий Ильчук рядом с А.М. Миреком, Стелла Мирек крайняя справа.*

1960 г.

Моя душа тогда рвалась от горя и сострадания. История по силе переживаний была подстать шекспировским Ромео и Джульетте... Ирина (официально Стелла) по материнской линии происходила из известного рода православных

священников (её дед даже был канонизирован в 1980-х) и никак не рассматривалась в качестве невесты безродного Валеры. К тому же имели место национальные претензии со стороны отца.

Не исключено, что эта драматическая история сломала жизнь обоим: Ирина вышла замуж за очень заурядного человека, преподававшего в музыкальном училище им. Гнесиных, к тому же существенно старшего её по возрасту; сама она долго проработала в прокофьевской музыкальной школе, а в старости была прикована к постели после травмы позвоночника...

А юный Валера после разлуки со своей Джульеттой потихоньку начал пить горькую.

После окончания музыкальной школы, ещё будучи старшеклассником, Валера стал играть в эстрадных ансамблях.

Танцы под аккордеон в Тарасовке

Концерты проходили в московских парках, потом в ресторанах. Вот тут-то и сработал родовой «зов Люсиновки», недремлющий спрут которой всё больше и больше захватывал юную душу.

После окончания школы брат неожиданно для всех поступил в Горьковское военное училище связи (вероятно, надеясь на целительную силу армейской дисциплины), которое окончил с отличием.

Как лучший выпускник училища, Валерий получил назначение в Кантемировскую дивизию, куда отправился с женой Натальей, девицей без каких-либо намёков на таланты и устремления.

Но Валера не был создан для военной службы. Это была артистическая натура: прекрасный рассказчик, душевный, жизнерадостный, свободолюбивый человек, солнечный, безусловно, наделённый харизмой. Талантливейший музыкант.

В Гнесинке у меня был однокурсник, Виктор Ерзунов, который в армии служил в роте под командованием Валерия. Когда Виктор узнал, что лейтенант Ильчук мой родной брат, он долго и восторженно рассказывал, как ему и другим солдатам повезло, что этот удивительный человек был их командиром. Он рассказывал, что всех поражали его человечность, тонкий юмор, артистический талант ... «Да, это душа!» — восклицал Виктор.

И душа Валеры радостно улыбалась миру в каждом звуке, когда он играл и пел...

Однако долго в образцовой дивизии лейтенант Ильчук не продержался из-за пьянства, и вскоре был переведён на Сахалин, потом куда-то на Украину... и в конце-концов был демобилизован.

Я, будучи подростком, писала ему письма на Сахалин о своих поисках смысла жизни, на что брат отвечал, что кроме описания берёзовой аллеи в Тарасовке, он абсолютно ничего не понимает.

Не хотел понимать? Или не мог?

В конце жизни Валера приехал жить в Лозу к родителям, работал электриком, подолгу держался от выпивки. Когда я приезжала, изливал мне душу, буквально плача от безысходности и бессмысленности такой жизни.

Окончилась его история раком горла и смертью...

Я держала брата за руку, когда он уходил...

За время болезни у Валеры отросла борода, и в гробу он был похож на русского аристократа: точёные черты лица, тонкие длинные пальцы...

Дочь Валеры, Ольга, не приехала на его похороны. Её растил дедушка Александр Никитич, любил, помогал всем, чем мог, оставил ей всё, что нажил. Ольга окончила институт, вышла замуж, родила детей.

Своего отца она не любила и не уважала, да и «что было с него взять?»

Сын Валерия, Станислав, пошёл по кривой дорожке...

Вот такая грустная история.

Не помню, чтобы Валера кого-то когда-либо в своей жизни осудил...

К чему приходим в заключении?

Возвращаясь к теории человеческих видов Поршнева-Диденко-Савельева, понимаем, что несмотря на людское многообразие, в каждом человеке в той или иной мере всё же преобладает какой-то один вид.

Наверное, потомки древних хищных людей, уверенных, что они знают истину в последней инстанции и тонкости магии своего слова, существуют не только в верхних эшелонах власти. Они есть и в диффузном болоте. Спросите у них, что есть добро, и что есть зло — и они, не задумываясь, тут же ответят...

Суггесто-диффузный вид (или вид *лимбиков*, по Савельеву) цветет пышным цветом во все времена повсеместно. Для них главное — устроиться получше.

А потомки *неоантропов*, не раздумывая, жертвуют собой, пытаются

возвысить «людей болота» над «прахом земным»...

Да, люди, как реки...

Но в отличие от рек земных, все человеческие реки имеют **ЕДИНЫЙ ИСТОЧНИК**.

Мой отец в начале жизни плыл по своей реке, но оставил лодку и навсегда сошёл на берег, откликнувшись на некий таинственный зов.

Призванный в Красную Армию, Василий Ильчук был распределён вначале в Кострому, куда плыл на корабле.

К сожалению, утеряно довольно длинное стихотворение папы, написанное тогда мелким почерком, в котором рефреном проходило: *«А я плыву, плыву на корабле»...*

Мне представляется, как мой отец, этакий юный синеглазый романтик, мечтатель, покинув, наконец, родную, крытую соломой хату, плывёт в неизвестную, но, как ему кажется, безусловно лучшую жизнь... а приплыл...

Впрочем, приплыл туда, куда должен был приплыть...

Ведь нет ничего случайного в жизни.

И образ плывущего по реке Ивасика-Телесика— здесь ключевой.

Самую большую ценность человеческой жизни представляет его опыт. Опыт отца, как и его тайну, он унёс с собой, оставив мне наказ: **учиться видеть «святые места», которые есть у каждого человека.**

На первый взгляд, просто.

Но если вдуматься, то в этих словах убеждённого материалиста и атеиста — истинная суть христианского учения!

Л.Н.Толстой писал, что *«разночтений евангельских книг насчитывают до пятидесяти тысяч»*, но истинное христианство, если оно действительно понято, *«есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое*

учение, выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий и в кругу которого, не сознавая того, движется вся высшая человеческая деятельность: политическая, научная, поэтическая и философская»⁶.

В том числе, и жизнедеятельность обычного человека, **если он понял, зачем живёт.**

Ведь учение Христа в своей сути просто: учись видеть «*святые места*» в человеке: тем ты возвысишь и свою душу, и его. Видеть то высшее, что глубоко спрятано или едва проглядывает в человеке, а увидев, полюбить эти «*святые места*», а полюбив, стараться помочь человеку самому увидеть свои «*святые места*», чтобы взрастить их в радости...

А в высшей ипостаси — превратить жизнь в любовь.

Таковыми были атеисты — и мой отец, и мой брат Валерий.

Как-то так.

С точки зрения высших смыслов, гонка за деньгами, статусом, комфортом и чужим одобрением, которым посвящается большая часть жизнедеятельности многих-многих людей, бессмысленна, поскольку служит тому, чему суждено исчезнуть. Примерно так говорил Л.Н. Толстой.

А что, несравнимо большее, чем короткая биография, можно сохранить и преумножить? То, что Толстой назвал *совершенствуемой бессмертной основой*.

Право, сегодня, когда происходят глобальные разрушительные процессы, каждому человеку (и мне самой, поскольку завещание отца адресовано мне!) стоит очень серьёзно задуматься о «*святых местах*» своих и других людей, с которыми сталкивает жизнь; о том, что ценного останется в нас, *в нашей бессмертной основе*, если исчезнет внешний мир?

Вот такой урок я извлекла, рассматривая старые семейные фотографии.

⁶ Евангелие Толстого. Избранные религиозно-философские произведения Л.Н. Толстого, М. 1992

Марина Васильевна Ильчук,
кандидат философских наук

Невыдуманная сага о реках жизни

Часть Первая. Земные истоки

Сердечно благодарю сына Сергея за мудрые и
своевременные советы, которые очень помогли мне в
процессе работы над текстом.

Публикация электронной авторской версии с иллюстрациями.

Москва-Чехов-Крюково.

Лето 2026 г.